

Суровое дыхание зимы, как ни странно, сыграло Цзи Линьси на руку. В такую стужу мало кто желал покидать уютные постели: слуги и евнухи попрятались по укромным углам, спасаясь от ледяного ветра, или же дремали, уткнувшись носами в меховые воротники своих стеганых халатов.

Он, подобно тени сновавший по поместью Ван, дрожал всем телом — от плеч до самых губ, — но в его жилах кипела горячая кровь. Лихорадочный азарт согревал кости лучше любого огня; казалось, богатство, власть и красавицы уже были здесь, на расстоянии вытянутой руки.

Даос разрывал землю пальцами, не замечая боли, пока из-под ногтей не сочилась кровь. Старые обморожения на руках вздулись багровыми буграми, делая ладони уродливыми и распухшими, но мужчина лишь сильнее стискивал зубы. Труд вознаграждался сполна: ему удалось откопать несколько тел. Кое-где плоть ещё не успела истлеть до конца, и в полусгнивших останках среди обломков костей копошились жирные белесые личинки.

Убедившись в находке, Линьси поспешно забросал могилы землёй и снегом, после чего соорудил над ними некое подобие магической формации. Если завтра молодой господин Ван вздумает прислать кого-нибудь с проверкой, этот «лже-массив» послужит отличной ширмой, способной обмануть любого профана.

Снег хлопьями ложился на его плечи и путался в волосах, замерзая коркой. Выдыхая облачка белого пара, он прошептал перепачканными в грязи губами:

— Не вините меня за то, что потревожил ваш прах. Это лишь способ добиться для вас справедливости.

И, прежде всего, обеспечить будущее себе.

Глубокой ночью, смыв грязь снегом и отряхнув одежду, он направился к запертому двору, где, по словам слуг, содержали похищенных девиц. Линьси долго прислушивался у ворот — за стеной царила гробовая тишина. Подобрал несколько крупных камней, мужчина соорудил импровизированную лестницу и перемахнул через забор. Осмотр подтвердил его догадки: приставленный к дверям слуга, завернувшись в соломенный плащ, крепко спал, привалившись к косяку.

Цзи Линьси бесшумно миновал спящего и принялся заглядывать в окна построек. Его внимание привлекла ветхая лачуга, больше похожая на дровяной сарай.

Там, прямо на земляном полу, укрывшись каким-то рваным одеялом, спала девушка. Сквозь спутанные пряди волос всё ещё угадывались черты юного и прекрасного лица. Её заперли здесь полмесяца назад, так как в первый же день она посмела сопротивляться Ван Хэ, за что и была брошена в этот холодный сарай. Остальные пленницы спали в более теплых комнатах, и

лишь эта несчастная, терзаемая холодом и болью, забывалась лишь коротким, тревожным сном.

В ту ночь ей снились родители. Проснувшись от собственного беззвучного плача, она тихо всхлипывала в темноте, когда её слух уловил едва различимый шорох. Девушка мгновенно напряглась, решив, что это вернулся мучитель. Она вжалась спиной в грудь хвороста, которая ответила сухим, предательским треском.

Снаружи Линьси замер. Поняв, что пленница проснулась, он принялся быстро писать.

«Тихо! Не шуми! Напиши ответ и передай мне! Кое-кто взялся за это дело и поручил мне спасти вас. Желаете ли ты покинуть это место?»

Едва закончив, он досадливо хлопнул себя по лбу.

В такой темноте она ничего не разберет, да и вряд ли простая девушка обучена грамоте. Скомкав листок, он пропихнул его в щель в двери, чтобы привлечь внимание, а затем, прильнув к самому дереву, прошептал:

— Тише, милая... Ты слышишь? Я пришел спасти тебя.

Девушка в сарае затаила дыхание. Она не верила своим ушам, боясь, что это лишь жестокий обман или продолжение кошмара.

Цзи Линьси не отступал:

— Хочешь выбраться отсюда?

Пленница судорожно сглотнула. О, Небеса, как же она этого хотела! Она бредила свободой каждую секунду, проведенную в этом аду.

— Если хочешь жить, отвечай скорее. Если нас заметят, я не смогу помочь.

— Я... — слова давались ей с трудом.

Была ли это ловушка Ван Хэ? Сомнения терзали её, но жажда жизни оказалась сильнее. Подползя к двери, она прошептала в щель:

— Хочу... Я хочу уйти. Кто ты?

Услышав ответ, даос едва не вскрикнул от радости. Дело пошло! Разложив чистую бумагу на

колене, он принялся записывать каждое слово.

— Я твой спаситель. Мне нужно, чтобы ты помогла мне.

Используя бумагу и графит, Линьси собрал достаточно свидетельств. Он пообещал девушке, что через день-другой вернется и заберет её отсюда, строго наказав хранить тайну и ничего не рассказывать другим пленницам.

С пачкой исписанных листов за пазухой он перелез через стену и прокрался в свою комнату. Обморожения на руках превратились в гноящиеся раны, тело ныло от холода, но восторг переполнял его душу. Мужчина в волнении мерил комнату шагами, время от времени срываясь на торжествующий смех, а затем распахнул окно, устремив взгляд в сторону Двора Восходящего Солнца.

Боль и холод казались ничем по сравнению с тем пожаром, что полыхал в его сердце.

Едва забрезжил рассвет, Цзи Линьси, даже не сменив одежды, бросился к покоям своего прекрасного принца.

Сон Чу Юя всегда был чутким, но Янь Хуай среагировал ещё быстрее. Едва послышался стук в окно, наследник Янь вскочил и распахнул раму. Перед ним предстало бледное, изнуренное, но сияющее подобострастной улыбкой лицо даоса.

Не увидев перед собой Чу Юя, тот на мгновение сник, но тут же снова расцвел в оскале.

— Господин, я всё узнал! У меня есть неопровержимые доказательства, — он радостно зашептал, косясь за спину Янь Хуая. — Это точно поможет вам.

Чу Юй уже стоял за плечом своего спутника.

Цзи Линьси, стоявший под окном, был припорошен снегом — даже на его ресницах белел тонкий иней. Одежда была запятнана грязью и кровью, а протянутые руки, сжимавшие пачку бумаг, мелко дрожали от холода.

Янь Хуай потянулся было, чтобы забрать листы и велеть гостю убираться, но тот не позволил бы так легко лишиться себя момента триумфа. Он знал цену своим трудам и жаждал награды. Уклонившись от руки телохранителя, даос протянул бумаги прямо к Чу Юю:

— Господин...

Чу Юй протянул руку.

В тусклом свете угасающей ночи Цзи Линьси отчетливо видел эти длинные, тонкие пальцы. Они бережно приняли исписанные страницы из его грубых, покрытых шрамами и грязью ладоней, и нежный голос произнес:

— Снаружи лютый мороз. Мастер Си, заходите скорее, обогрейтесь.

Сердце даоса пустилось вскачь.

— Слушаюсь! — радостно отозвался он и, подтянувшись на руках, влез в окно.

Пока Чу Юй просматривал бумаги, проснувшийся Евнух Чэнь поспешил накинуть на плечи господина подбитый мехом плащ. Принц опустил на край постели. При свете зажженных свечей, в окружении тонких шелковых пологов, он казался величественным и недостижимым.

Цзи Линьси, сгорбившись, мелкими шажками пытался подобраться поближе, но в этот раз Янь Хуай не спускал с него глаз. Тот преградил ему путь и с холодной усмешкой произнес:

— Господин Си, не суетитесь. Я сейчас принесу вам стул.

Стул стал непреодолимой преградой, удерживая Линьси в восьми чи от ложа принца.

— Эту девушку я нашел в том самом дворе. На этих листах — каждое её слово. Она была вне себя от радости, узнав, что вы спасете её, — даос внимательно следил за лицом Чу Юя, тщательно подбирая выражения. — Чтобы не рисковать, я допросил только её.

Пленница, брошенная в сарай за сопротивление, была куда более надежным источником, чем те, кто смирился со своей участью. Линьси понимал: если среди прочих девиц найдется хоть одна из бедной семьи, которую устраивает жизнь в доме Ван, она тут же выдаст их с потрохами. Несмотря на то, что статус принца мог бы защитить его, мужчина предпочитал действовать осторожно, не желая привлекать лишнего внимания раньше времени.

Чу Юй медленно перелистывал страницы. Его пальцы, белые, словно чистейший нефрит, слегка испачкались в засохшей грязи.

— Я право не знаю, как и благодарить тебя, господин Си. — Он поднял глаза, и в их глубине отразилась мягкая нежность. — Ты оказал мне неоценимую услугу.

Заметив на руках Линьси страшные обморожения и кровавые ссадины, Чу Юй сочувственно нахмурился. Он обернулся к Евнуху Чэню:

— Эконом Чэнь, принеси мою Нефритовую мазь от шрамов.

Тот беспрекословно повиновался.

Когда драгоценный сосуд был принесен, Чу Юй взял его и, приподняв ладонь Цзи Линьси, вложил мазь прямо ему в руки. Своей белой, гладкой кожей он коснулся изувеченных, покрытых мозолями пальцев даоса и мягко сжал их.

— Мастер Цзи, эта мазь творит чудеса при обморожениях. Возьми её и втирай в кожу каждый день. Через три дня от твоих ран не останется и следа.

Линьси изобразил на лице глубочайшую признательность, рассыпаясь в благодарностях, и бережно спрятал мазь за пазуху.

<http://bllate.org/book/15344/1372725>